

«Ниагара, Европа, Лоев, или Канада, которую мы потеряли»

(путевые заметки непутёвых туристов)

Виктор Борг

Почему непутёвых, потому что даже оказавшись за границей и тем самым автоматически превратившись в янки, мы остаёмся советскими людьми: со своей колбасой, тройной сменой белья, умным видом и глупыми вопросами. Однако, всё по порядку. Читатель, завидя слово «Канада», хотел перелистнуть страницу?

Вот так и мы. Как все провинциалы, которым кажется, что мир – это продолжение их деревни, мы думали, что Канада – это такой большой Милуоки. И потому полагали, что Торонто – лишь никчёмная нагрузка к Ниагарским водопадам. Хотя г-н Лоев (который пока не город, а человек, и о котором ниже) предупреждал, что в роли таковой выступит «сафари», кое наша группа заказала устроителям, заявив, что без «сафари», т.е. охоты на слонов, мы никуда не поедём. Но о слонах ниже. Начнём с самого начала.

Автобус из Нью-Йорка оказался не львовским (удобства во дворе), а местным: с откидывающимися креслами, телевизорами, кондиционером и даже туалетом где-то в трюме. Рассевшись по местам, наши люди сразу обнаружили несправедливость: одним досталось место у окна, другим не у окна, одним – ближе к двери, другим – дальше, самых же несчастных судьба забросила и вовсе на задние сиденья. «А деньги-то плочены одинаковые!» - кричали все, и мы в том числе. Тут кто-то из народа и подал уравнительную мысль: на каждой остановке каждый турист будет пересаживаться на одно место вперёд – и тогда, соответственно, к возвращению в родной Милуоки каждый успеет понежиться на хороших местах и никому не будет обидно. На это кто-то заметил, что в таком случае все мы по очереди должны будем вести автобус: ведь шофёру несправедливо досталось место с рулём... и обсуждение стало ещё громче, напоминая 2-й съезд РСДРП.

Итак, мы поехали, многие впервые за 2-3 года покидали город, все замолчали, ибо пришло странное чувство, напоминающее то, что охватило тебя когда-то в «Боинге»: чувство перемены, чтобы не сказать перелома в судьбе. Может быть, ради этого чувства и пускаются люди в путь? Кстати, г-н Лоев (о котором ниже) говорил, что «первая большая турпоездка для эмигрантов – это внутренняя ломка, трансмутация, меняющая этих людей и отличающая их от остальных». Удивительно, но это правда. Как бы расширяются границы твоей личной вселенной, и фотография на кухонной стене – это окно в открытый мир, в котором, оказывается, мы живём.

Вообще, выполняя спецзадание редакции по зарисовке ближнего зарубежья, мы никак не подозревали, что захотим там остаться навсегда. Увы, американских беженцев там не очень

принимают, и особенно таких, как мы, т.е. которые без денег. Кстати, первое, ещё доканадское впечатление – «таможенный магазин» в приграничном Буффало – оказалось сдобрено ностальгией по светлой памяти магазинам «Берёзка». Горы задрипанных сувениров, пункт обмена валюты и большое объявление «ВОДКИ АБСОЛЮТ СЕГОДНЯ НЕТУ». Мда... хотя есть дешёвая «Финляндия» и дешёвые американские сигареты. Интересно, что всё это продаётся как бы для потребления за рубежом. То есть лопни, но выкури и выпей всё что купил, на чужой территории. Но самое умильное, что кассир спрашивает вашу фамилию и заносит её в свой гебистский компьютер. То есть, если ты вздумаешь теперь угнать туристский автобус куда-нибудь за полярный круг – тебя всё равно найдут.

После этого магазина мы приготовились к переходу границы: все обнажили свои «грин-карты», «сошиал секьюрити» и уплаченные телефонные счета. Увы, пограничники не снизили подняться в наш автобус. Мы это объясняем «феноменом Лоева», о котором ниже.

Итак, Канада. Сперва ничего не изменилось в пейзаже, просто вместо звёздно-полосатого там и сям колыхался красно-кленовый. Потом вдруг воздух стал прозрачнее, пронзительнее, что-то произошло с самой оптикой пространства, напоминая гиперреализм в буржуазной живописи. Появились какие-то странные фигуры... что это за деревья? Виноградники! Изгибаясь и замирая в изошрённых позах, в балетных па, древесные фигуры испещряли собой необозримый холст канадского простора. Каждое дерево, как иероглиф, казалось, было каллиграфически выписано чей-то искусной рукой... не знаем, чьей, но похоже, что то была рука японского мастера. По крайней мере, не рука Москвы, уж это точно. Идеальный, почти армейский порядок нескончаемых виноградных каре, в равной степени удалённый как от немецкой муштры, так и от русского хаоса. Даже если ты со школьных лет не любил леммы и аксиомы, то тут вдруг видишь, как геометрия на твоих глазах превращается в поэзию. Евклиду, впрочем, здесь делать нечего, ибо параллели (с живописью, танцем и вкусом вина) сходятся и рифмуются, образуя пространство восторга.

Кто-то скажет: «Много шума из ничего. Подумаешь, виноградники...» Может, оно и так, хотя весь автобус перевоплотился в дзенского монаха и молча созерцал виноградное войско, внимая г-ну Лоеву, о котором ниже. Первое робкое подозрение, что мы не в Америке, посетило нас.

И через час отпустило, ибо мы приехали в «сафари», очень напоминающее разросшийся до неприличия ташкентский зоопарк. Впрочем, мы бы заведомо предпочли последний, т.к. неподалёку, в парке Тельмана, всегда можно было попить свежеразбавленного пива. Что до «сафари», дурные предчувствия охватывают тебя уже при посещении первого аттракциона – сафарского туалета. Ведь это – лицо предприятия. Уже длинная, как в Мавзолей, очередь говорила сама за себя. Но то, что видишь внутри... рядом с этим меркнут знаменитые кокандские и даже бухарские уборные. Такое чувство, что сантехникой наравне со всеми пользуются носороги, не говоря о павианах.

Вообще, сафари-парк – это такое место, где звери находятся на воле, а посетители – в неволе, разъезжая в клетках на колёсах. Надо сказать, что серьёзные звери тебя в упор не замечают,

занимаясь с утра до вечера медитацией и отгоном мух. Те из нас, кто сумел сохранить в себе ребёнка, были счастливы, остальные насупились: стоило ли ехать в Канаду, чтобы лицезреть крупным планом курдюк бизона или глазеть на храпящего от невыносимой скуки царя зверей, больше похожего на спившегося слесаря из ЖЭКа. Впрочем, г-н Лоев (о котором ниже), рассуждая вслух о несъедобности или съедобности всего живого, что только попадало в поле нашего зрения («обратите внимание на этих удивительных птиц слева – их не едят!»), очень расценил унылую флору и приунывшую фауну. Одним словом, незабываемо. Да и как можно забыть печальные еврейские глаза облупленного слона, явно старика, на котором почтенная публика каталась за три рубля? Да ещё под занавес один из нас нашёл в салате к пресному сафарскому гамбургеру... муху – тоже, видать, экспонат в естественной среде обитания. Отчего-то всё это печально, ибо зверей всё равно жалко, несмотря на всю их свободу. Они как эмигранты: изображают перед всеми, что они дома и вполне счастливы, и с едой вроде хорошо, а вот... поди ж ты. Свобода, она вообще штука недостижимая и нигде её нет, но об этом как-нибудь потом.

А пока – Ниагарские водопады! Перефразируя классика можно сказать: глупо жить на планете Земля и не увидеть ЭТО. На специальном кораблике, всего за 10 долларов, вы подплываете к самой грохочущей лавине, к исполинскому обвалу воды, и здесь, в этом пространстве, в белом мареве с внезапными кусочками голубого неба всё смешивается воедино: брызги, пенная пелена, рокочущее р-р-р слова НИАГАРА и собственное сердцебиение. С чем сравнить это ощущение? Скажем честно: ни с чем. Да и не с чем, ибо в человеческом опыте ничего подобного просто нет. Разве что само рождение на белый свет... Разве что внезапная любовь, которая сотрясает тебя всего, каждую клетку... Бесполезно, любые слова превращаются в банальность. Уже ради этих десяти минут стоило ехать, стоило эмигрировать, стоило родиться. День, а то и меньше, чудесной дороги – и вы в центре мироздания. Ниагара... Само это слово, сам звук отзывается древними, затаёнными грёзами, и особенно в наших советских душах. Никакой текст не передаст дыхание стихии. Когда смотришь на водопад сверху, на водяной кратер, на эту чудовищную лунку из воды и света – на память приходит скорее музыка, чем слово. Подлинно вагнеровская эпика сверкающих потоков, низвергающихся в бездну... Уф!!

Водопады (их, кстати, два, а не один) – вовсе не посреди лесов и скал, как нам лгали фотографии из школьных учебников. Валентин Зорин, что ли, их снимал? По канадскую сторону раскинулся огромный город, который так и называется – Niagara Falls. По американскую же сторону – город, который называется Niagra Falls (бездна фантазии). Но оттуда, как кажется отсюда, ничего толком не видно. Зато чего только нет в канадской части! 26 галерей, музей Гарри Гудини, «Дом с привидениями», подвал «Камеры пыток», музей восковых фигур. Правда, М. Тэтчер похожа там на заслуженную доярку, а Р. Рейган подозрительно смахивает на Алена Делона. Зато большой друг советского народа Арафат похож на себя до такой степени, что хочется первым бросить в него букет цветов.

Этот город, стерильно чистый и бутафорски экзотичный – это не Америка и не Европа. Это, наверное, Сингапур. Хотя куда там Сингапуру. Водопады – туристская Мекка. Только, в отличие от Мекки, совершающие хадж к Н.В., не создают никакого столпотворения. Атмосфера крайне дружелюбная, ибо все ходят немного оглушённые и даже одухотворённые. Встретили даже

человека, которого Ниагарский водопад (по его словам) вылечил от несчастной любви. Какой же силы была та любовь? Действительно, здесь забываешь обо всём.

Люди взирают на потоки воды с религиозным трепетом. Даже атеист в эти мгновения верит в Бога. Постоять или посидеть у поручня, лицом к лицу с космосом, домедитировать или, проще сказать, полюбоваться – что может быть прекраснее этих минут? Водопад чем-то похож на человеческую жизнь: так же, с грохотом, несётся вермя, унося с собой всё... И это настраивает тебя на элегический лад. Как-то сам собой, из воздуха, возник почти омархаямовский «рубай»:

Мы рождаемся на свет
И уходим, оставив след –
Воспоминанье в душах тех,
Кто уходит за нами вслед.

В общем, может, это будет слишком крепко сказано, но жить в Америке и не побывать на Н.В. – просто преступление. Так что, друзья, собирайте-ка вещи – и в путь.

Кстати, о Хайаме. Когда глубокой ниагарской ночью мы возвращались в отель, то в дверях наткнулись на неожиданное препятствие. Там сидел русско-американский турист и почему-то раскачивался из стороны в сторону. «Как дела?» - хором задали мы умный вопрос. «Водогарские ниапады – это тебе не...» - сказал турист и заснул. Нежно минуя препятствие, мы ещё долго говорили о том, что завоюй наши ребята Канаду вовремя, то всё это называлось бы не иначе, как Водогарская ГЭС или АЭС, и уже бы в рекордные сроки возвели саркофаг, а великая русская река Водогарка уже была б повёрнута вспять, и вообще, всё было бы в порядке. Увы, Канаду мы потеряли.

И здесь бы поставить точку, но главный удар впереди. А ведь г-н Лоев (о котором скоро) предупреждал! Визуальный обморок постиг всех, кто имеет глаза, ещё на подступах к Торонто. Торонто... об этом городе можно говорить только междометиями. Нет, не потому, что там есть самая длинная улица в мире или самая высокая в мире башня. Не потому же мы восхищаемся красивой женщиной, что узрели на ней самое дорогое украшение (хотя это портит не всех). Так вот, если Торонто – женщина, то сия женщина – с безупречным вкусом, и в неё влюбляешься с полувзгляда. Ибо вкус – это симптом культуры... И, надо сказать, наличие духа в это прелестной женщине сочетается с уютностью, домовитостью и душевной теплотой. Мы так и не поняли (ведь женщину никогда не поймёшь до конца) что это было: то ли Европа, взявшая лучшее от Америки, то ли Америка, сумевшая остаться Европой. Не знаешь, куда и смотреть. Если сказать двумя словами: всё другое. Другое пространство, другие лица, кругом троллейбусы и бесшумные, как тигры, трамваи... быстро, кафешантаны; неспешность, масса зелени, и даже солнечные пятна ложатся именно туда, куда их положил бы хороший художник. Там и сям, как стрелы Амура, тебя пронзают лёгкие ностальгизмы то ли по собственному детству, то ли по старым снам про границу, то ли по какой-то другой Истории – может быть, примерно такой была бы Москва, повернись всё иначе?

Едкий Л. Светлосанов сухо отметил, что в Америке наблюдается отсутствие вкуса. Что поражает в Торонто – так это, повторимся, присутствие вкуса. Что делает пространство вкусовым, что делает женщину красивой? Почему даже вполне заурядные американские домишки смотрятся здесь иначе? Чем отличается нагромождение зданий от ансамбля? В чём секрет женственности и архитектуры? Наверное, каждая вещь, будь то голубая арка или жёлтая блузка, попадая в ансамбль, обретает иное значение и звучание. Есть набор слов, а есть поэзия, состоящая из тех же слов. Женщина может одеть изящную вещь, но диссонировав с остальными, т.е. попадая в «набор слов» вещь эта не только не получает новое звучание, но и теряет своё собственное. Иной раз достаточно слегка удлинить... платье или пришпилить небольшую брошь, чтобы мгновенно превратиться из юной феи в старую ведьму. Или сказать одно словцо и потерять всякое обаяние. Или одеться от Кардена, но сделать два шага привычной походкой капрала – и всё пропало.

Торонто – «она другая». Есть города, скажем, Чикаго, где тебя может ошеломить и оглушить какая-то часть, тот или иной фрагмент Даунтауна. Есть женщины, в которых тебя тоже может затронуть фрагмент («мужской» ум, коленки, глаза, образование, причёска), но не ансамбль. Торонто весь, вся – это огромное произведение искусства. Конечно, тут есть небоскрёбы – и какие! Эти зеркально-перламутровые кристаллы, похоже, вообще не должны стоять. «Геометрия не работает» (Лоев). Более того, похоже, именно здесь варится, или уже сварилась, архитектура 21 века. Скажем, если смотреть на ночной Торонто с другого берега, то вы увидите второе солнце – его восходящий полукруг (спортивно-концертный зал) просто гипнотизирует очевидцев. Мы долго мучались: в чём тайна этого города, в чём суть архитектурной мелодии, откуда повадка и стать, утончённость и шарм? Откуда всё то, что даже наш дикарский взгляд различает как неподдельную европейскость? Ну откуда это в американской женщине? Пока вдруг не осенило: да ведь перед нами не что иное, как... Англо-Франция. Это Европа, задетая жаром плавильного котла, но не растопившаяся в нём. Вот тебе и Милуоки...

Наконец, слово о Лоеве. Ну кто обычно работает экскурсоводом? Отставные майоры, инструктора горкомов и беглые гаучо. Но есть, конечно, гиды от Бога. Александр Лоев – один из них. Этот человек сочетает в себе несочетаемое: огромные познания, терпимость, мягкий юмор, чуткость и глубокий ум. Как всё это назвать одним словом, вот в чём вопрос? Ответ: интеллигент. И добавьте сюда точёный русский язык, которого нынче нам так не хватает. «Я скучаю по всем городам. И даже по тем, где не был.»

Плохой гид, так сказать, отравит вам все леса, поля и реки. Талантливый же – пятикратно усилит впечатления, ибо гид – это тот же психотерапевт или, если угодно, почти шаман, от колдовства которого, от ворожбы и горения зависит настроение и состояние племени, т.е. автобуса. И, надо сказать, какой-то особый, проникновенный голос Лоева до сих пор не выветрился из памяти народной. Отсутствие снобизма и школярства (обычные атрибуты профессии) и присутствие... вкуса превращают небольшое путешествие в целую «жизнь», прожитую внутри твоей обычной жизни. Почему, скажете вы, такой панегирик А. Лоеву, и какое это имеет отношение к географии. Прямое. Потому что иные люди – не меньшая достопримечательность, чем Собор Парижской Богоматери или та же Мекка.

Одним словом, жить в Америке и не совершить хадж , дабы омыть лицо в священных брызгах
Ниагары и просветлить душу в Городе Двух Солнц – ну просто грех. Так что, друзья, не гневите
Всевышнего, а собирайте-ка вещички – и в путь!